

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ АКАДЕМИКА Я. К. ГРОТА.

Празднованіе полторавѣкового юбилея Императорской Академіи Наукъ въ 1876 году¹⁾.

Двадцать девятого Декабря 1876 года, около 11-ти часовъ вечера. Сегодня отпразднованъ былъ 150-ти лѣтній юбилей Академіи Наукъ. Первымъ поводомъ къ этому было то, что прошлою весною, кажется, въ Апрѣль или еще въ Мартѣ, Государь сказалъ графу Толстому, что онъ былъ на столѣтнемъ юбилеѣ Академіи (въ 1826 г.) и жааетъ также присутствовать на полторастолѣтнемъ (тогда онъ былъ 8-ми лѣтнимъ мальчикомъ, сопровождалъ родителей и бабушку).

Это разсказалъ мнѣ Веселовскій²⁾ на похоронахъ академика Ос. Ив. Сомова, въ университетской церкви, и прибавилъ, что для приготовленія къ празднику назначается при президентѣ комиссія изъ вице-президента, непремѣннаго секретаря и меня. Вскорѣ послѣ того я уѣхалъ за границу и возвратился изъ Италіи не прежде, какъ во второй

---

¹⁾ Я. К. Гротъ не оставилъ подробнаго дневника или Записокъ хотя бы за одинъ изъ періодовъ своей жизни. Однакоже не разъ онъ начиналъ писать дневникъ, но время не позволяло ему продолжать, и лишь въ концѣ 1870-хъ годовъ онъ сталъ правильно заносить въ самой краткой формѣ главнѣйшія событія дня въ свою записную книжку. За старое время сохранились лишь отрывочныя записи, изъ каковыхъ одна (о Карамзинскомъ юбилеѣ 1866 г.) была уже напечатана нами. (См. „Истор. Вѣстникъ“ Мартъ 1910 г.) Здѣсь печатаемъ другой отрывокъ, вызванный подобнымъ же случаемъ и живо рисующей незабвеннаго Монарха-Освободителя и его царственную семью въ стѣнахъ Императорской Академіи Наукъ. К. Я. Гротъ.

²⁾ Константинъ Степановичъ, непремѣнный секретарь Академіи Наукъ.

половинѣ Октября (20 числа). Между тѣмъ президентъ¹⁾ часто справлялся у членовъ 2-го Отдѣленія о времени моего возвращенія. Послѣ моего прїѣзда, когда я не засталъ его дома, онъ посѣтилъ меня и объявилъ, что разсчитываетъ на мою помощь относительно рѣчи, которую онъ долженъ произнести на юбилей, и поручилъ мнѣ составленіе ея. Другую рѣчь долженъ былъ приготовить непремѣнный секретарь. Вмѣстѣ съ тѣмъ было сказано, что Государю угодно, чтобы все торжество было устроено совершенно по образцу бывшаго въ 1826 году.

Изъ печатнаго описанія тогдашняго юбилея было видно, что на немъ произнесены были три рѣчи, именно третью рѣчь приготовилъ академикъ Шторхъ (читалъ ее, по его слѣпотѣ, Коллинсъ). Слѣдовательно и теперь рѣчь третьяго оратора падала бы на меня; но, не любя напрашиваться, я не упомянулъ о томъ ни слова и удовольствовался возложеннымъ на меня порученіемъ. Надо было сговориться съ Веселовскимъ о содержаніи обѣихъ нашихъ рѣчей. Я хотѣлъ говорить о бывшихъ въ Академіи перемѣнахъ съ начала царствованія Николая Павловича; но Веселовскій пожелалъ воспользоваться этимъ сюжетомъ, а мнѣ предоставилъ личныя воспоминанія объ отношеніяхъ Академіи къ особамъ царствующаго дома. Взявшись за этотъ сюжетъ, я однакожь увидѣлъ, что онъ слишкомъ бѣденъ, и рѣшился расширить его воспоминаніями о разныхъ чертахъ прошлой жизни Академіи. Въ эту рамку Веселовскій просилъ меня вставить между прочимъ и присоединеніе Россійской Академіи къ Ак. Наукъ. Я согласился. Изъ библіотеки и архива были взяты мною нѣкоторые матеріалы, и черезъ нѣсколько дней рѣчь была готова. Я прочелъ ее графу Литке, и онъ ее одобрилъ съ просьбою дать ее переписать какъ можно крупнѣе, разгонистѣе и притомъ совершенно черными чернилами. При чтеніи онъ однакожь замѣтилъ, что мѣсто объ Отдѣленіи Русскаго языка и словесности болѣе шло бы въ рѣчь Веселовскаго, на что я отвѣтилъ, что тотъ, напротивъ, просилъ меня включить это въ рѣчь президента. Сдѣланный въ канцеляріи списокъ показался графу недовольно крупно и четко написаннымъ, и онъ возвратилъ мнѣ его при письмѣ, въ которомъ просилъ снова дать переписать его²⁾. Тутъ же были имъ означены два мѣста, по его мнѣнію лишнія, и одно изъ нихъ было именно то, которое касалось Отдѣленія Русскаго языка и словесности.

Въ послѣднихъ числахъ Ноября у президента собралась однажды вечеромъ наша маленькая комиссія, и вмѣстѣ съ нами приглашенъ былъ министръ нар. просвѣщенія, гр. Толстой, для обсужденія всѣхъ

¹⁾ Знаменитый ученый морякъ Ф. П. Литке. П. Б.

²⁾ Письмо это приложено къ рукописи.

пунктовъ программы праздника и представленія Государю по тѣмъ вопросамъ, которые требовали разрѣшенія, именно объ избраніи въ почетные члены Германскаго императора, и по вопросу: приглашать-ли на юбилей дипломатическій корпусъ, который былъ на столѣтнемъ юбилей; также: нужно ли академикамъ, по прежнему, отправиться по дворцамъ депутатами для приглашенія высочайшихъ особъ, и въ которомъ часу начать празднество. Тѣ два (второй и третій) сомнительные пункта были рѣшены отрицательно, такъ какъ нынче всѣ рѣчи въ Академіи читаются по русски, а появленіе депутацій было бы только въ тягость для приглашаемыхъ, и потому положено просто предоставить президенту лично сдѣлать приглашенія. Еще прежде, для празднества была испрошена у министра финансовъ довольно крупная сумма, болѣе 10 т. рублей; между прочимъ деньги были нужны на выбитіе юбилейной медали. Президентъ и министръ находили, что всѣмъ членамъ царской фамиліи должны быть поднесены золотыя медали, но Рейтернъ соглашался на изготовленіе такихъ медалей только Государю и Императрицѣ, а остальные члены императорскаго дома, по его мнѣнію, должны были довольствоваться серебряными. При этомъ рѣшеніи министръ финансовъ остался непоколебимъ, несмотря на вторичное представленіе о неудобствѣ такого различія.

Рѣчь непремѣннаго секретаря между тѣмъ также подвигалась. Онъ намѣревался сообщить мнѣ ее на прочтеніе, однакожь дѣло этимъ и ограничилось: я ее не читалъ, а слышалъ только съ кафедръ. Залу усердно топили, крыльцо покрывали полотнянымъ навѣсомъ, на лѣстницѣ поставили печку и исправили на всякій случай площадки для отдыха, если понадобится, и для помѣщенія въ сторонѣ кресла, чтобы внести Императрицу, если окажется нужнымъ. Что касается до Государя, то хотя ему трудно всходить по лѣстницѣ, но предвидѣли, что онъ ни за что не согласится воспользоваться кресломъ.

Передъ юбилеемъ графъ Литке два раза обѣдалъ у ихъ величествъ: 1-ый разъ въ тотъ день, когда комиссія собиралась у него съ министромъ; тогда они оба прямо съ царскаго обѣда пріѣхали на квартиру къ первому, который жилъ тогда на Царицыномъ Лугу, противъ Лѣтняго Сада, и мнѣ случилось въ одно время съ ними взойти по лѣстницѣ. Забавно было, что хозяинъ у своей двери не могъ дозвониться; гр. Толстой и я стояли за нимъ, а онъ то и дѣло звонилъ, но напрасно, пока не сбѣгалъ лакей по другой лѣстницѣ и не заявилъ дома о пріѣздѣ хозяина, который между тѣмъ, узнавъ, что его давно уже ждутъ Буняковскій и Веселовскій, не могъ надивиться, что ни одинъ изъ нихъ не догадался отпереть дверь. Во второй разъ графъ обѣдалъ у Государя дня за два-за-три до юбилея, и Государь и Императрица

надѣялись быть на праздникѣ. Первый условился съ президентомъ о мѣстѣ и времени представленія ему академикомъ; онъ предполагалъ, чтобъ это было, когда онъ войдетъ въ залу и подойдетъ къ мѣстамъ академикомъ по обѣ стороны кафедры; но графъ предложилъ представить ихъ лучше передъ входомъ въ залъ, въ маленькой проходной комнатѣ, что и было одобрено. Государыня разспрашивала о лѣстницѣ и немного испугалась, узнавъ, что она довольно высокая, кромѣ наружнаго крыльца.

За нѣсколько дней до юбилея стало появляться въ „С.-Пб. Вѣдомостяхъ“ слѣдующее объявленіе: „Въ Среду, 29 Декабря, въ 12¹/₂ часовъ, имѣетъ быть въ Императорской Академіи Наукъ торжественное собраніе по случаю исполнившагося стопятидесятилѣтія ея существованія. По ограниченности числа мѣстъ въ большомъ конференцъ-залѣ Академіи, впускъ посѣтителей на это собраніе будетъ производиться не иначе, какъ по билетамъ, которые въ настоящее время уже всѣ разобраны“.

Этимъ объявленіемъ публика была очень недовольна, потому что большинство обыкновенныхъ посѣтителей нашихъ торжественныхъ собраній увидѣло невозможность попасть на этотъ разъ въ Академію. Нѣсколько человекъ обращалось ко мнѣ съ просьбой доставить имъ билеты, но не всѣ просьбы можно было удовлетворить, тѣмъ болѣе, что канцелярія въ раздачѣ ихъ была очень скупа, и производитель дѣлъ А. И. Сомовъ (братъ умершаго академика) былъ щедръ только въ отношеніи къ своимъ знакомымъ, наприм. семейству секретаря Академіи Художествъ Исееву (родственнику гр. Литке по женѣ), далъ цѣлыхъ 4 билета, а академикамъ затруднялся давать и по два, ссылаясь на начальство *). Я однакожь все-таки принудилъ его послать нѣсколько билетовъ лицамъ, которыхъ рекомендовалъ, наприм. вдовѣ Плетнева, сестрѣ ея В. А. Иорданъ, бывшему инспектору училищъ Максимовичу, который 50 лѣтъ тому назадъ присутствовалъ на юбилей, и нѣкоторымъ другимъ.

По этому поводу я получилъ передъ днемъ юбилея два письма. Первое отъ этого самаго Максимовича, второе отъ молодой дѣвицы, занимающейся преподаваніемъ. На первое письмо я отвѣчалъ, что мысль Максимовича предупреждена, что дѣйствительно нѣсколько лѣтъ тому назадъ способъ размѣщенія стульевъ былъ измѣненъ, но теперь на этотъ случай нашли удобнѣе возстановить старый. За отвѣтомъ на письмо Яковлевой пришелъ братъ ея, и я долженъ былъ со всевоз-

*) Тоже было и на столѣтнемъ юбилей Москвскаго Университета 1855 года: лица, трудившіяся надъ его исторіею, не получили билетовъ, которые раздавались щедро изъ канцеляріи попечителя учебнаго округа В. И. Назимова разнымъ офицерамъ. П. Б.

можною ласкою объявить ему, что теперь слишкомъ поздно и ни одного билета достать нельзя.

Въ Понедѣльникъ, 27-го числа, въ Академіи былъ молебенъ по поводу предстоявшаго дня; во время службы замѣтили, что священникъ, возглашая вѣчную память монархамъ, пропустилъ Екатерину I, при которой Академія была открыта. Молебенъ происходилъ въ самой актовомой залѣ, откуда стулья на этотъ случай были убраны. Послѣ молебна президентъ созвалъ академикомъ (что онъ въ шутку называлъ „разводомъ“), чтобъ условиться о порядкѣ представленія Государю, о мѣстахъ сидѣнія, входѣ въ залъ, и т. п. Всѣмъ академикомъ розданы были листки, на которыхъ были означены мѣста каждого изъ нихъ. Мой экземпляръ листка здѣсь прилагается.

30. Золотаревъ.
29. Гадолинъ.
28. Шмидтъ.
27. Штраухъ.
26. Безобразовъ.
25. Желѣзновъ.
24. Шифнеръ.
23. Кунникъ.

15. Зининъ.
14. Шренкъ.
13. Овсянниковъ.
12. Наукъ.
11. Струве.
10. Видеманъ.
9. Чебыщевъ.
8. Гротъ.

<i>Кафедра.</i>	Бюро
	Бюро

Мѣста Царской фамилии.

Four vertical dashed lines representing the seating chart for the Imperial family.

22. Сухомлиновъ.
21. Бутлеровъ.
20. Максимовичъ.
19. Венгдъ.
18. Бычковъ.
17. Савичъ.
16. Кокшаровъ.

7. Макарій.
6. Срезневскіе.
5. Дорна.
4. Стефана.
3. Гельмерсена.
2. Вроси.
1. Брандтъ.

29-го числа въ Академію начали съѣзжаться уже въ 11-ть часовъ. Я съ женой, старшей дочерью (16-тилѣтней Натальей) и В. А. Іорданъ пріѣхали въ одной каретѣ въ началѣ 12-таго и вышли со стороны двора, гдѣ насъ уже ждали два сына, которые, не имѣя билетовъ, должны были войти одновременно со мной и довольствоваться тѣмъ, что могли гдѣ-нибудь приткнуться за послѣднимъ рядомъ стульевъ. Я посадилъ своихъ дамъ въ 6-мъ или 7-мъ ряду вопреки г. Сомову, который назначилъ дамамъ самые задніе ряды, приберегая передніе для придворныхъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Я основывался на томъ, что наканунѣ самъ президентъ показалъ мнѣ мѣста, гдѣ могутъ располагаться городскія и академическія дамы. Скоро зала начала мало по малу наполняться. Билеты отбирались наверху бухгалтеромъ Яковлевымъ; были смѣльчаки, которые съ задняго хода явились безъ билетовъ и преспокойно расположились въ концѣ залы. Академики оставались передъ залою въ проходной комнатѣ, но должны были расположиться двумя рядами: одинъ направо отъ входа изъ сѣней, составляли члены I-го Отдѣленія, а другой—члены II-го и III-го Отдѣленій. Послѣ пріѣзда президента и министра стали съѣзжаться и великіе князья: два Лейхтенбергскіе, Ольденбургскій, Владимиръ Александровичъ съ супругой, Константинъ Николаевичъ, Александра Петровна и Евгения Максимиліановна. Президентъ съ вице-президентомъ и непремѣннымъ секретаремъ, а также и министръ нар. просвѣщенія ждали на лѣстницѣ.

Наконецъ намъ объявили, что Государь пріѣхалъ. Онъ вошелъ, ведя Императрицу подъ руку, а за нимъ шелъ Наслѣдникъ съ Цесаревной и старшимъ 8-ми лѣтнимъ сыномъ Николаемъ Александровичемъ. По условленному порядку началось отъ двери направо представленіе академиковъ. Президентъ называлъ каждыя по имени, и Государь дѣлалъ легкій поклонъ, не вступая однакожъ въ разговоръ. Дошедши до меня¹⁾, онъ самъ произнесъ мое имя и тотчасъ же, оборотясь къ Императрицѣ, бывшей еще близъ входныхъ дверей, сказалъ ей: „*Ma chère, voilà Grot*“. Ея величество²⁾ подошла ко мнѣ и милостиво разговаривала все время, пока еще продолжалось представленіе другихъ академиковъ. „Какъ давно я васъ не видала; но, несмотря на то, я очень часто вспоминаю о васъ, и мы помнимъ все, что вы сдѣлали. Вы совсѣмъ не перемѣнились, вы все тотъ же, какимъ были тогда, и это несмотря на безпрестанныя ваши занятія. Я первый разъ въ Ака-

¹⁾ Я стоялъ съ другого конца комнаты по лѣвой сторонѣ, 3-имъ послѣ архіепископа Макарія и Срезневскаго; далѣе слѣдовали Бычковъ и Сухомлиновъ.

²⁾ Это была первая моя встрѣча съ Императрицей послѣ того, какъ я покинулъ августѣйшихъ питомцевъ.

демія; много разъ собиралась, но никогда не удавалось; не бывала никогда и въ музеяхъ“. — Я упомянулъ о зоологическомъ. — „Не холодно ли тамъ?“ Я отвѣчалъ, что температура сносная, чему доказательствомъ служить то, что еженедѣльно одинъ разъ залы наполняются публикою. „Сколько всѣхъ академикомъ?“ — Около сорока. — „Въ этой ли же залѣ (парадной) бывають и засѣданія?“ — Нѣтъ, въ малой конференцъ-залѣ, а тутъ только торжественныя собранія“.

Я забылъ упомянуть, что, при входѣ въ комнату, гдѣ насъ представляли, Государь насъ поздравилъ и выразилъ желаніе, чтобъ Академія и впредь продолжала свое полезное существованіе. Вотъ привѣтствіе Государя при представленіи ему академикомъ, записанное Н. И. Кокшаровымъ:

„Поздравляю васъ, господа съ дорогимъ для васъ праздникомъ, 150-лѣтнимъ юбилеемъ. Желаю Академіи полнаго процвѣтанія. Я благодарю Бога, что Онъ сподобилъ меня быть сегодня вмѣстѣ съ вами. 50 лѣтъ тому назадъ въ этотъ день я былъ также здѣсь въ Академіи вмѣстѣ съ моею бабушкою; но тогда я былъ въ такомъ же возрастѣ, какъ этотъ молодой человекъ (при этомъ Государь выдвинулъ впередъ своего внука и потрепалъ его по щекѣ). И такъ, желая вамъ еще разъ всего лучшаго, я желалъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы и Ему Господь Богъ позволилъ, когда вы будете праздновать вашъ 200-лѣтній юбилей, находиться здѣсь вмѣстѣ съ вами, какъ я теперь“ *).

По окончаніи представленія Государь вошелъ въ залу; мы за нимъ послѣдовали и заняли свои мѣста. Въ серединѣ ряда креселъ передъ каедрой сѣла на лѣво Императрица, направо Государь, возлѣ него Цесаревна, а рядомъ съ нею маленькій Великій Князь; возлѣ Императрицы по другую сторону Наслѣдникъ; остальные члены царской фамиліи были сзади. Маленькій внукъ Государя (8-ми же лѣтъ, какъ и онъ полъ-столѣтія тому назадъ) сидѣлъ прямо противъ меня. Я любовался миловиднымъ его личикомъ и смотрѣлъ, какъ онъ все время очень чинно потиралъ перчаточкой металлъ и кожу на своей каскѣ. Цесаревна часто съ улыбкою на него посматривала, а иногда взглядывала и на меня. Государь часто обращалъ свои взоры въ разныя стороны, какъ-бы отыскивая между академиками знакомыя лица.

Графъ Литке началъ чтеніе рѣчи только-что всѣ устѣлись, но читалъ вообще довольно слабымъ голосомъ, только иногда возвышая его и довольно часто запинаясь и дѣлая ошибки, напр. онъ не разъ употреблялъ единственное число вмѣсто множественнаго и наоборотъ, говорилъ Академія вмѣсто академики; сказалъ разъ Николай Александ-

*) Приписано 12 Сентября 1882 г. съ подлинной записки Кокшарова.

ровичъ вмѣсто Николай Павловичъ, а въ концѣ вмѣсто „послѣ этого краткаго обзора минувшихъ судебъ Академіи“, прочелъ: „послѣ этого краткаго обзора литературныхъ судебъ Академіи“. Странно, что онъ, несмотря на свои годы и свое положеніе, оробѣлъ и все время не могъ хорошенько оправиться. Когда онъ кончилъ, Государь обмѣнялся нѣсколькими словами съ Императрицей. Потомъ сталъ читать Веселовскій. Наша комиссія, при самомъ началѣ своихъ совѣщаній, опредѣлила, чтобъ рѣчь президента продолжалась не дольше $\frac{1}{4}$ часа, а рѣчь непр. секретаря отъ $\frac{1}{2}$ часа до $\frac{3}{4}$. Президенту хотѣлось, чтобъ послѣдняя цифра составляла minimum, но остальные находили, что получаса довольно. Это мнѣніе получило перевѣсъ. Рѣчь Веселовскаго для первыхъ рядовъ была достаточно слышна, но болѣе отдаленные ряды послѣ жаловались на невнятность его голоса. Начало ея было почти повтореніемъ окончанія моей; даже въ выраженіяхъ было сходство. Особенно остановился онъ на Пулковской обсерваторіи и на астрономическихъ трудахъ; потомъ воздалъ щедрыя похвалы Гельмерсену и еще болѣе Абиху, котораго довольно неумѣстно уподобилъ Прометею, о чемъ всѣ послѣ говорили. Послѣ рѣчи онъ упомянулъ о розданныхъ въ теченіе года преміяхъ; затѣмъ прочелъ имена вновь избранныхъ почетныхъ членовъ и корреспондентовъ. Первымъ почетнымъ членомъ былъ упомянуть Германскій императоръ, причѣмъ Государь сказалъ, кажется, привѣтствіе сидѣвшему сзади Прусскому посланнику Швейницу, который былъ тутъ не какъ дипломатъ, а какъ частное лицо, приглашенное на словахъ президентомъ. Потомъ были провозглашены имена Николая и Сергія Александровичей, и всѣ члены Академіи встали, привѣтствуя новоизбранныхъ. Маленькій Великій Князь, кажется, и не замѣтилъ, что это привѣтствіе адресовалось къ нему.

Потомъ читались имена частныхъ лицъ, избранныхъ въ тоже званіе. При этомъ я долженъ сказать нѣсколько словъ объ избраніи ихъ въ комиссіи. Списокъ имъ былъ предварительно составленъ Веселовскимъ по совѣщаніи съ президентомъ. Въ числѣ ихъ былъ и племянникъ послѣдняго, товарищъ министра иностр. дѣлъ Н. К. Гирсъ. При его имени я замѣтилъ въ комиссіи, что едва-ли удобно его избрать, такъ какъ онъ еще не довольно извѣстенъ и недавно занимаетъ постъ товарища; съ этимъ согласился и графъ Литке. Однакожъ рѣшено было обсудить дѣло, и именно переговорить о томъ во 2-мъ Отдѣленіи. Здѣсь Гирсъ нашелъ горячаго почитателя въ Сухомлиновѣ, который, не зная о его родствѣ съ президентомъ, сталъ восхвалять его за содѣйствіе, какое тотъ оказалъ ему, бывши посланникомъ въ Бернѣ, когда Сухомлинову нужны были рукописи Швейцарца Лагарпа, наставника Александра Павловича. Отдѣленіе присоединилось къ Сухомлинову, и

рѣшено было поддержать избраніе Гирса. Менѣе удачно было другое предложеніе моихъ сочленовъ—просить президента объ избраніи въ почетные члены Академіи Наукъ Императрицы и Цесаревны. Когда я послѣ засѣданія доложилъ объ этомъ Литке, онъ нашелъ это предложеніе страннымъ и даже назвалъ его глупостью, потому что ничего подобнаго прежде не бывало; едва-ли однакожь онъ былъ правъ: не все новое негодно. Впрочемъ ему это предложеніе было особенно неприятно потому, что угрожало ему новыми хлопотами и перепискою. Кромѣ того онъ рѣшительно отвергъ мысль Отдѣленія избрать въ почетные члены князя Черкаскаго, назначеннаго въ Болгарію для устройства тамъ поземельнаго владѣнія по минованіи условій военнаго времени. Въ комиссіи предлагалъ я избрать также министра путей сообщенія Посьета, какъ человѣка сочувствующаго всякой ученой дѣятельности, всегда готоваго поддерживать умственный трудъ, и притомъ какъ автора морскаго сочиненія; но графъ и на это не согласился, слѣдуя пристрастному мнѣнію цѣлой многочисленной партіи, нерасположенной къ Посьету, выдающей его за человѣка недалежнаго и мало смыслящаго въ администраціи своего министерства. За то приняты были предложенные мною князь Лобановъ-Ростовскій, и Отдѣленіемъ—епископъ Антоній Казанскій.

Послѣ чтенія на этомъ торжественномъ собраніи, Литке сталъ раздавать лицамъ императорской фамилии медали. Получивъ свою, Государь подошелъ къ нашему столу и сталъ разсматривать разложенные тутъ документы: уставы Академіи 1747 и 1803 года. Тутъ подошелъ президентъ и сталъ объяснять ихъ. Особенно интересенъ былъ собственноручно писанный по-французски черновой наказъ Екатерины II. Между тѣмъ подошла также Императрица и вступила со мной въ разговоръ объ этихъ документахъ. Тогда же Государь обратилъ милостивое вниманіе на Буняковскаго и Веселовскаго и спросилъ ихъ: съ какого они времени въ Академіи, представилъ Буняковскаго и Императрицѣ, а ко мнѣ подошелъ Наслѣдникъ и спросилъ, кто сочинялъ рѣчи, читанныя графомъ Литке и Веселовскимъ. Я не могъ скрыть отъ него, что составленіе первой поручено было мнѣ, тѣмъ болѣе, что и самъ президентъ не скрывалъ этого, и между прочимъ въ засѣданіи комиссіи при мнѣ сказалъ министру: „Не скрою отъ васъ, что я поручилъ это дѣло Я. К. Гроту; онъ такъ добръ, что взялся помочь моей старости“. Потомъ Наслѣдникъ спросилъ, отчего президентъ читалъ такъ дурно и во все время руки у него дрожали. Я сказалъ, что вѣроятно этому причиной слабое его зрѣніе*). Еще Государь передъ уходомъ обра-

*) Графъ Литке ничего такъ не опасался, какъ обнаруженія своей слѣпоты; кое-какъ, продолжая читать академическія бумаги, онъ для подписанія употреблялъ такъ называемый грифъ.

тился къ Гельмерсену и также представилъ его Императрицѣ, которая все время говорила по-русски, исключая однакожь разговоръ съ астрономомъ Струве, который велся по-нѣмецки. Уходя, Государь обратился къ своему Внуку и отцу его и пожелалъ имъ черезъ 50 лѣтъ также присутствовать на слѣдующемъ юбилеѣ Академіи. Я забылъ упомянуть, что прежде удаленія отъ стола, гдѣ лежали документы, онъ обратился къ намъ, академикамъ, съ небольшою рѣчью, благодаря насъ за труды, и выразилъ желаніе, чтобы мы и впредь также трудились на пользу науки вообще и особенно науки для Россіи.

Послѣ ухода царской фамиліи къ намъ подходили многія лица: кн. Урусовъ пришелъ изъявить свою признательность за избраніе его въ почетные члены, говорилъ, что до слезъ тронуть, и чувствуетъ, что ничѣмъ не заслужилъ такой чести. Во время провозглашенія именъ избранныхъ, князь Суворовъ трунилъ надъ мин. внутр. дѣлъ Тимашевымъ и, полагая, что онъ также избранъ, спрашивалъ его: за что, вѣдь ты ничѣмъ не заслужилъ этого, ты ничего не смыслишь въ наукѣ! Нѣкоторые выражали сожалѣніе, что я ничего не читалъ, что чтеніе рѣчи Литке не мнѣ было поручено, и проч. Конечно, какое-нибудь чтеніе въ связи съ дѣятельностью нашего Отдѣленія, было бы желательно, но такъ какъ чтеній по отдѣленіямъ не было, а притомъ наше Отдѣленіе только 35 лѣтъ принадлежитъ къ Академіи, то можно было найти, что къ такому чтенію не было достаточнаго повода. Вотъ послѣ того какъ нашему Отдѣленію исполнится 50 лѣтъ (въ 1891 г.), оно болѣе будетъ въ правѣ заявлять о себѣ на юбилеяхъ Академіи Наукъ. Кстати замѣчу, что члены нашего Отдѣленія, особенно Сухомлиновъ, были недовольны слишкомъ бѣглою замѣткою, непремѣннаго секретаря, о присоединеніи Россійской Академіи къ Академіи Наукъ, о чемъ (въ своемъ мѣстѣ я забылъ сказать это), и Государь самъ вспомнилъ, когда ему представляли насъ передъ засѣданіемъ....

Въ 5 часовъ назначенъ былъ обѣдъ по подпискѣ въ гостинницѣ Палкина (на углу Владим. и Невскаго просп.). Въ немъ участвовали многіе академики и довольно большое число постороннихъ лицъ, корреспондентовъ Академіи и др., напр., Галаховъ, Загорскій, Заблоцкій, П. П. Семеновъ, Зеленый (Сем. Ильичъ). Президентъ провозгласилъ тостъ за Государя, потомъ были тосты за президента, за вице-президента, за процвѣтаніе Ак. Наукъ (послѣдній тостъ провозгласилъ Зеленый по моему напоминанію), за непр. секретаря (академикъ Наукъ произнесъ его по латыни и назвалъ Веселовскаго *vir eloquentissimus*). Рѣчей собственно не было, если исключить маленькій тостъ Савича въ честь одного изъ академиковъ и шуточную рѣчь Зеленаго— „морскую“, по его собственному выраженію,—подобную тѣмъ, какія онъ,

какъ морякъ, имѣеть обыкновеніе произносить съ маленькими измѣненіями при всѣхъ подобныхъ случаяхъ, примѣняя къ обыкновеннымъ житейскимъ понятіямъ термины: пуститься въ море, поставить значки, поднять флагъ, плыть на всѣхъ парахъ, трюмъ сердца, орудія моихъ чувствъ и проч. Плата за обѣдъ, съ каждаго заранѣе назначенная и собранная, была по 11 руб. Распорядителями были Сомовъ и совѣтникъ правленія Ланге, которыхъ здоровье также пили. Еще я забылъ упомянуть о прочитанной съ бумажки весьма плохой и къ счастью коротенькой рѣчи нашего, впрочемъ добраго и милаго, кассира Лаврова.

Подъ вечеръ я получилъ отъ графини Блудовой, дочери бывшаго президента, которая также присутствовала на юбилей, телеграмму, здѣсь прилагаемую *).

Передъ засѣданіемъ министръ Посыеть позвалъ меня къ себѣ обѣдать въ этотъ день. Разузнется, что я не могъ принять его приглашеніе. Послѣ засѣданія, когда я изъясилъ ему свое сожалѣніе о томъ, онъ мнѣ сказалъ, что между тѣмъ получилъ самъ приглашеніе обѣдать у Государя и долженъ былъ послать отказъ всѣмъ приглашеннымъ.

За академическимъ обѣдомъ я сидѣлъ между Срезневскимъ и Бычковымъ, недалеко отъ президента; тутъ же были Сухомлиновъ и Гельмерсенъ. Послѣдній между прочимъ припомнилъ стихи Майкова, экспромптъ, сказанный имъ лѣтъ десять тому назадъ на одномъ академическомъ обѣдѣ 29-го Декабря:

Академія кутить,
Въ буйствѣ силы не жалѣеть;
Это ясно говоритъ,
Что она уже русѣеть.

Дополненія, слышанныя послѣ юбилея.

Всѣ удивляются, что послѣ юбилея не было рескрипта Академіи; винять въ томъ и Литке, и Толстого. Вообще находятъ, что юбилей имѣлъ какой-то мизерный характеръ: двѣ официальные рѣчи, изъ которыхъ первой почти никто не слышалъ, а вторая была суха. Пустыхъ мѣстъ въ залѣ было множество; пять послѣднихъ рядовъ стульевъ были почти не заняты, хотя сзади многіе стояли между стѣной и стульями; изъ за чего Сомовъ такъ скупился билетами, что даже когда мы, академики, просили ихъ у него для извѣстныхъ лицъ, онъ отвѣчалъ, что

*) Вотъ эта телеграмма: „Благодарю за приглашеніе и проводы по гѣстницѣ. Если сами не можете, пришлите завтра, въ Четвергъ вечеромъ, рѣчь вашу для прочтенія. Графиня Блудова“. К. Г.

безъ начальства не смѣть! Многіе не получившіе билетовъ, не смотря на свое домогательство, были очень недовольны, узнавъ о пустыхъ мѣстахъ. По поводу требованія билетовъ у приходящихъ рассказываютъ нѣсколько анекдотовъ. Когда пришелъ Прусскій посланникъ Швейницъ, у него Яковлевъ спросилъ билетъ. Онъ отвѣчалъ по-русски: „я приглашенъ Государемъ Императоромъ“. Сомовъ показалъ ему мѣсто въ заднихъ рядахъ; онъ замѣтилъ: „это мѣсто не для меня“.

Когда, на другой день послѣ юбилея, Литке былъ у Государя и благодарилъ его, Александръ Николаевичъ сказалъ, что все сошло хорошо и гладко. Литке отвѣчалъ: „все, Ваше Величество, сошло прекрасно, кромѣ рѣчи президента, которая была прочитана очень дурно“. Государь засмѣялся. Говорятъ, онъ сказывалъ, что со своего мѣста могъ почти читать рукопись рѣчи президента: такимъ крупнымъ почеркомъ она была переписана.

Въ засѣданіи Русскаго Отдѣленія Бычковъ замѣтилъ, что жаль, что Государя не надоумили пригласить академиковъ къ царскому столу, такъ какъ честь эта оказывается всякому гвардейскому прапорщику, когда празднуется юбилей полка. Государь, дескать, вѣрно не отказалъ бы накормить у себя какихъ-нибудь 30 академиковъ.

Сухомлиновъ рассказывалъ, что, незадолго передъ академическимъ юбилеемъ, Литке спрашивалъ, состоится ли по подпискѣ обѣдъ, и сказалъ, что ежели не состоится, то онъ готовъ пригласить къ себѣ нѣкоторыхъ изъ академиковъ.

Бухгалтеръ Яковлевъ нѣсколько разъ выражалъ мнѣ сожалѣніе, что по случаю юбилея не было общихъ по Академіи наградъ, и рассказывалъ, что при сто-лѣтнемъ юбилеѣ всѣ получили награды, что въ бумагахъ о томъ сперва исчислены были всѣ болѣе значительныя лица, а о прочихъ упомянуто, что всѣ остальные удостоиваются повышенія въ слѣдующій чинъ.

14 Января былъ у меня новый почетный членъ П. А. Кочубей: пріѣхалъ „въ лицѣ вашемъ поблагодарить Академію за оказанную мнѣ честь“. Онъ находить, что я одинъ изъ главныхъ и даже главный дѣятель Академіи и т. д...

1 Мая. Я отложилъ записать нашъ разговоръ, и дѣло осталось несдѣланнымъ. Мы довольно долго разговаривали. Онъ во многомъ критиковалъ, хотя и очень гуманно, нашъ юбилей, въ чемъ именно теперь не помню. Помню только общую мысль: надо бы было посвятить на него дня три и сдѣлать его доступнымъ для всѣхъ.

Позднѣйшая приписка.

12 Сентября 1882 г. Вчера получилъ отъ Кокшарова записанныя имъ слова Государя на юбилей Академіи и переписалъ ихъ выше, гдѣ слѣдовало. Я ходилъ къ Кокшарову, чтобы посоветоваться по поводу полученной мною вчера же *) поздравительной телеграммы отъ герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго, съ которымъ онъ въ близкихъ отношеніяхъ. Разговоръ зашелъ между прочимъ объ академическомъ юбилей. Кокшаровъ выражалъ удивленіе, что этотъ юбилей былъ отпразднованъ такъ сухо и меккинно, что отъ начальствующихъ лицъ зависѣло бы при этомъ случаѣ доставить всѣмъ академикамъ награды, какъ бывало прежде, и т. п. Рассказывалъ, что в. к. Сергій Александровичъ, присутствовавшій на юбилей, замѣтилъ ему послѣ: „Нѣтъ, сухо было у васъ въ Академіи. Ваши собранія (т. е. въ Минералогическомъ Обществѣ) бываютъ куда живѣе и интереснѣе“. При этомъ случаѣ Кокшаровъ рассказалъ еще слѣдующее. Когда въ 1869 г. пересматривались въ Госуд. Совѣтѣ смѣты Академіи, и въ департаментѣ экономіи предполагалось назначить жалованіе каждому соразмѣрно съ получаемыми по другимъ должностямъ окладами, то Кокшаровъ въ частномъ разговорѣ съ предсѣдателемъ департамента экономіи В. К. Чевкинымъ объяснилъ ему, что лучше было бы, еслибы правительство поступило великодушнѣе и просто опредѣлило общее академическое жалованіе, несмотря на другія должности. Чевкинъ согласился съ этимъ, находилъ возможнымъ измѣнить первое предположеніе и выразилъ желаніе, чтобы для этого Веселовскій побывалъ у него. Кокшаровъ нарочно поѣхалъ сказать о томъ къ непремѣнному секретарю; но этотъ выслушалъ его очень холодно и отвѣчалъ, что не находитъ нужнымъ ѣхать къ Чевкину. Такъ дѣло и осталось въ прежнемъ видѣ.

Сообщено К. Я. Гротомъ.

*) По поводу моего 50-лѣтняго юбилей.